

Корректировка глобальной стратегии США в новой системе международных отношений

1. Активизация наступательной внешнеполитической стратегии США в условиях ослабления американских позиций в мире

Исследованию агрессивного, наступательного характера внешнеполитического поведения США посвящены сотни научных публикаций в отечественной и зарубежной литературе¹. Мы хотели бы избежать повторения того, что уже написано по этой проблематике, и сосредоточить внимание на одном, на наш взгляд, принципиальном вопросе, а именно: как долго лидеры этой великой страны будут придерживаться в своей внешней политике повышенной воинственности, до каких пор будут продолжать игнорировать нормы международного права и когда, наконец, власти США поменяют алгоритм своего международного поведения на умеренный и сбалансированный политический курс.

Ответы на эти принципиальные вопросы правильнее начать с анализа базовых ценностей американской внешней политики, которые объясняют ее характер. Эти ценности мало менялись во времени, хотя и формулировались в разные исторические периоды по-разному. Их основу составляла идея о мессианской роли Америки в мире как единственной «демократической» страны, которая несет всем «освобождение от тирании и деспотизма»². На самом первом этапе, то есть в период становления американского государства в 1783–1841 гг., появилась и затем получила широкое распространение идея о том, что Америка – «богом избранная страна», куда «всемогущее Провидение» привело многие тысячи иммигрантов, чтобы создать образцовое во всех отношениях общество и государство. Как представляется, первым политиком США, который высказал мысль об «американской исключительности» (*American Exceptionalism*), стал губернатор территории Массачусетс Д. Уинтроп еще в 1630 г. Находясь на борту одного

из первых кораблей, прибывших к берегам Новой Англии с колонистами, он говорил, что представляет себе Америку как «Град на холме», куда обращены глаза всех людей с их надеждами и чаяниями. И если жители этого Града не выполняют предназначений Бога, они будут прокляты во веки веков³.

Представление о мессианской роли Америки как богоизбранной державы является для сторонников и последователей этой идеи обоснованием воинствующей внешнеполитической стратегии, ставящей перед собой конечную цель – достижение мирового доминирования. По свидетельству американского историка Д. Чейза, американцы искренне убеждены в том, что Америка управляется Божественным провидением, а стремление к мировому лидерству логически вытекает из основанной на этом умозаключении теории «американской исключительности»⁴. Геоэкономические корни такой стратегии проистекают из заинтересованности крупного американского капитала добиться, в конечном счете, ничем не ограниченного доступа к рынкам сбыта, источникам сырья и сферам приложения капитала в других странах. Именно это стремление являлось отличительной чертой активной наступательной американской внешней политики на протяжении всей истории существования США – с момента окончания войны за независимость в 1783 г. и вплоть до настоящего времени.

В выступлениях видных американских политиков можно найти немало примеров, подтверждающих решимость Америки до конца вести борьбу на мировой арене во имя реализации внешнеполитической цели – доминировать в системе международных отношений, добиваться формирования такого миропорядка, в котором США стали бы гегемоном. После распада Советского Союза для Америки сложились наиболее благоприятные условия осуществления данной цели, для утверждения своего рода «американской империи». Известный специалист в области международных отношений А. Шлессинджер-младший определял эту новую империю как «неформальную», то есть колониальную в традиционном смысле этого понятия, как империю нового порядка, которая «хорошо оснащена всеми имперскими атрибутами: войсками, кораблями, самолетами, базами, проконсулами, местными коллаборационистами и комрадорами; она охватывает все уголки нашей несчастной планеты»⁵.

По сути дела, к началу XXI столетия США действительно превратились в «имперскую державу» (*imperial power*). Как подчеркивал Д. Чейз, хотя Америка и не имеет намерения колонизиро-

вать или напрямую управлять другими странами, она всегда готова применить силу для установления такого мирового порядка, который она желает⁶.

Нынешние руководители Белого дома охотно акцентируют внимание на том, что идея «править миром» имеет глубокие корни в американской политической истории и не носит спонтанного, конъюнктурного характера. Именно так мессианская роль Америки понималась и трактовалась многими руководителями страны на протяжении XIX, XX и в начале XXI в. Лидеры США всегда мечтали о построении такого миропорядка, который позволял бы Америке активно, а главное безнаказанно вмешиваться, в том числе вооруженным путем, во внутренние дела суверенных государств. Реализации этих замыслов была посвящена и воинствующая внешнеполитическая идеология, что нашло свое выражение в озвученной президентом США Дж. Монро еще в 1823 г. «Доктрине Монро», а впоследствии в доктрине «Большой дубинки» (*Big Stick Policy*), декларированной президентом США Т. Рузвельтом в 1904–1905 гг. Об этом же говорилось в империалистической доктрине Вудро Вильсона 1918 г. «Четырнадцать пунктов Вильсона», в которой президент США открыто объявлял о стремлении американского империализма установить гегемонию в международной политике путем ослабления своих основных тогда соперников – Великобритании, Франции и Японии, и в «Доктрине Трумэна» 1947 г., ставшей основой воинствующего внешнеполитического курса США на долгие годы вперед, а затем и в «Доктрине Форда» 1975 г., делавшей акцент после поражения США в войне во Вьетнаме на сохранении военного американского присутствия в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии.

Наконец, наступательные, а отнюдь не изоляционистские внешнеполитические принципы заложены и в современной доктрине «американского мирового лидерства», которая формулирует главную внешнеполитическую сверхзадачу США после окончания «холодной войны», а именно – завершение процесса установления американской «гегемонии» в мире⁷. Как подчеркивается в этой доктрине, Америке необходимо верховодить всеми другими участниками международных отношений в интересах «триумфа демократии» американского образца в мире. Эта задача представляется современным вашингтонским политикам как реально осуществимая. В высказываниях президента Дж. Буша-старшего сразу после победы в «холодной войне» и комментариях к ним тогдашнего государственного секретаря США Д. Бейкера речь шла о том, чтобы добиться смены двуполярной модели

мира «новым мировым порядком», подразумевающим превращение США в единственного лидера на планете⁸.

Современная доктрина «американского мирового лидерства» предусматривает реализацию целого комплекса задач. Наиболее полно их сформулировал профессор международных отношений Дьюкского университета (Северная Каролина) О. Холси. Он выделяет как значимые и долговременные следующие наиболее характерные внешнеполитические приоритеты США: поддержание безопасности в мире путем предотвращения распространения ядерного оружия и установления контроля за производством вооружений во всем мире; обеспечение доступа к энергоресурсам в других странах; защита интересов американского предпринимательства; защита «американских ценностей и институтов»; вмешательство во внутренние дела суверенных государств во имя обеспечения прав человека и распространения демократических форм правления; поддержание американского военного превосходства над любой державой или коалицией держав, гарантирование безопасности союзников и сдерживание военной мощи России и Китая⁹.

В принципе каждое государство имеет право отстаивать национальные интересы на международной арене так, как оно их понимает. Другое дело, какими средствами и методами оно намерено добиваться этой цели. Важнейшей особенностью современной американской внешней политики является готовность использовать силу, что уже не раз демонстрировали власти США после «холодной войны». В этой связи закономерен вопрос, насколько сама идея глобального лидерства США соответствует нормам современного международного права, духу и букве Устава ООН. От ответа на этот вопрос зависит понимание того, насколько долговременной может оставаться агрессивно-наступательное поведение Америки в новой системе международных отношений.

Сила или угроза ее применения стали основным инструментом реализации доктрины «американского мирового лидерства» в новых исторических условиях после победы США в «холодной войне», когда у Америки не стало равнозначного по потенциалу соперника, способного ограничить ее действия в системе международных отношений, а голос ООН практически стал едва слышным. Как уточняет американский профессор Р. Майерс, применение военной силы Америка сочетает с использованием широкого комплекса мер политического и экономического давления, дипломатии и переговоров. «В американских интересах, – продолжает

свою мысль Майерс, – попытаться создать такой новый международный порядок, который мог бы формально легализовать лидирующую роль США в мире»¹⁰.

Террористическая атака на американские города 11 сентября 2001 г. дала властям США основания для того, чтобы впервые после «холодной войны» громко и недвусмысленно напомнить миру о необходимости укрепить ведущую роль Америки в новой системе международных отношений как единственной сверхдержавы. Именно после этих событий политика обеспечения гегемонии США в глобальном масштабе была открыто объявлена основной целью американской внешней политики. 14 сентября 2001 г. в самом срочном порядке, невзирая на все процедурные правила и сложившуюся практику, обе палаты Конгресса США приняли совместную резолюцию № 23, которая гласила: «Президенту разрешается использовать все возможные и надлежащие меры и силу против тех стран, организаций или личностей, которые по его определению планировали, разрешили, совершили теракт или помогли террористам напасть на США 11 сентября 2001 г. или предоставили убежище таким организациям и личностям, для того чтобы предотвратить любые будущие акты международного терроризма против США со стороны этих стран, организаций или личностей»¹¹.

Уже первое выступление американского президента после потрясшей всю Америку трагедии на объединенном заседании обеих палат Конгресса 20 сентября 2001 г. показало, что в связке «сила–переговоры» первый компонент возводится в ранг абсолюта в ущерб второму. Провозгласив право своей страны единолично решать судьбы других государств и народов, Д. Буш-младший заявил: «Каждая страна в любом регионе мира должна сделать свой выбор: либо она с нами, либо с террористами. С этого дня любая страна, которая продолжает укрывать и предоставлять поддержку террористам, будет рассматриваться США как враждебная Америке». И далее президент Буш-младший подчеркивал: «Приближается час, когда мы начнем действовать... Мы не знаем, какой будет развязка. Но мы знаем, что Бог не нейтрален. Страна должна ждать не одной битвы, а долговременной кампании, не имеющей равных в нашей истории»¹².

20 сентября 2002 г. администрация Буша опубликовала важнейший теоретический и практический документ под названием «Стратегия национальной безопасности США», или «Доктрина Буша», в которой вновь подтверждались основные базовые ценности американской внешней политики на большую часть XXI в.

В документе, в частности, утверждалось, что США никогда не позволят, чтобы их военному превосходству был брошен вызов подобно тому, как это сделал Советский Союз в эпоху «холодной войны»¹³.

События 11 сентября 2001 г. позволили властям США создать совершенно уникальный образ незримого и невиданного в американской истории врага, «...который нигде не находится, но его можно ждать отовсюду. Имя этому врагу – «международный терроризм». Именно он совершил против США акт войны, и в силу этого впредь США будут находиться с ним «в состоянии войны». Враг раскинул свои щупальца более чем на 60 стран мира, а это значит, что боевые действия могут вестись по всему миру. Они будут длительными, не похожими ни на одну войну, которую мы когда-либо видели», – так говорил президент США Буш вскоре после 11 сентября 2001 г.¹⁴ Главный вашингтонский идеолог «возмездия» Ричард Чейни не исключал, что война, которую США объявили терроризму, может достичь продолжительности жизни одного или двух поколений американцев.

В своем послании конгрессу «О положении страны» в январе 2003 г. Дж. Буш конкретизировал задачи, стоящие перед внешней политикой США в XXI в. Он подчеркивал: «Теперь уже в текущем столетии идеология силы и превосходства появляется вновь... И вновь наша страна и все наши друзья встают на защиту мира и противостоят хаосу и постоянной тревоге. Мы, американцы, призваны защитить безопасность нашего народа и надежды всего человечества. И мы готовы к этому»¹⁵.

Для целей нашего анализа важно иметь представление о том, сохранит ли американское руководство способность и заинтересованность в дальнейшем отстаивании доктрины «агрессивного империализма» Буша, или экономические и финансовые трудности США, обнаружившиеся в конце первого десятилетия XXI в. в результате глобального кризиса, заставят все-таки американский истеблишмент отказаться от права на «военное вмешательство» в дела суверенных государств.

Доктрина Буша – как доктрина первого упреждающего удара – отвергается большинством в Западной Европе, в России и в Китае, с ней ведет борьбу исламский мир. Никто не желает даровать самой могущественной стране мира право первого удара. Это открывает перспективу создания весьма широкого альянса защитников собственного суверенитета. Как отмечают аналитики, «величайший недостаток новой американской доктрины заключается в завышенной самооценке, в излишней склонности использовать

военную силу и игнорировать иные системы ценностей и союзников. Вот почему такая доктрина не может быть долговечной»¹⁶.

Однако с точки зрения неоконсерваторов только однополярный мир, то есть американское стратегическое доминирование в мире, обеспечивает стабильность и безопасность системе международных отношений, являясь единственной альтернативой международному хаосу. Как откровенно подчеркивал в этой связи известный знаток американской политической кухни Збигнев Бжезинский, идеологическая цель внешней политики США «...должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей – необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру, которая способна смягчать неизбежные потрясения и напряженности, вызванные социально-политическими переменами в мире»¹⁷. Трудно, на наш взгляд, точнее определить суть долговременной стратегии США на перспективу XXI в. как на глобальном, так и на региональном уровне, чем это сделал Зб. Бжезинский.

И все-таки, почему в своем внешнеполитическом поведении американские власти предпочитают придерживаться именно наступательной тактики и стратегии: ведь главного геополитического противника – Советского Союза – нет, и в обозримой перспективе вряд ли в системе международных отношений найдется ему адекватная замена. Существует, на наш взгляд, ряд объективных причин, заставляющих американское руководство упорствовать в проведении именно такой линии в реализации своих глобальных замыслов, во всяком случае, как пишет Зб. Бжезинский, «на протяжении жизни одного поколения».

Во-первых, Вашингтон серьезно обеспокоен снижением к началу XXI в. роли США как некогда ведущей экономической сверхдержавы мира и не хочет с этим мириться, пытаясь взамен усилить свою военную мощь. Если в 1945 г. на долю США приходилось 50% мирового ВВП, то в конце XX в. – уже 20%, а к 2020 г., по оценкам, приводимым Зб. Бжезинским, доля американской экономики в мире не будет превышать 10%¹⁸. И это будет происходить на фоне быстрого роста экономического потенциала других мировых держав, которые по темпам роста ВВП быстро опережают США. В первую очередь это относится к Китаю, руководство которого, например, запланировало к 2020 г. четырехкратное удвоение ВВП, грозно заявив, что однополярного мира с американской гегемонией никогда не будет¹⁹. Очевидно,

что политические и военные круги США всерьез обеспокоены растущей экономической и военной мощью Китая, который по пятам следует за Америкой, постоянно увеличивает и будет увеличивать расходы на нужды вооруженных сил, о чем говорилось в докладе военного ведомства США за 2007 г., представленном в Конгресс в мае 2007 г.²⁰

С другой стороны, в кругах правящей элиты США существует твердое убеждение, что утрата Америкой мирового экономического господства, которое она удерживала большую часть XX в. и которое обеспечивало ей лидирующие позиции в мире, в XXI в. негативно отразится на национальных оборонных возможностях, чего власти в условиях роста антиамериканских настроений в мире допускать не хотят. Единственным выходом из этой ситуации также является компенсация негативных последствий снижения экономической мощи США в мире укреплением ее воинствующей, силовой внешнеполитической активностью.

Во-вторых, важным побудительным мотивом в продолжении активной политики сверхдержавного доминирования на предстоящую историческую перспективу для властей США остается стремление удержать позиции великой мировой державы и до конца бороться за сохранение своих лидирующих позиций в мире.

В начале XXI в. этому было немало свидетельств, несмотря на провалы во внешней и внутренней политике и все негативные последствия силовой политики, которые администрация Буша попросту пыталась игнорировать: в 2007 г. она объявила об «увеличении численности войск» в Ираке, а также об увеличении военного бюджета в 2009 г. до 670 млрд. долларов. И объяснения такой маниакальной приверженности политике силы заключаются, на наш взгляд, именно в страхе оказаться перед фактом ослабления мощи и влияния США в мире как единственной сверхдержавы, в опасении быть побежденными новыми сильными и динамичными конкурентами.

В-третьих, воинственность внешнеполитического курса США продиктована также опасениями того, что новая система международных отношений, подвергшись глубокой разбалансировке, может выйти из-под американского контроля. Разбалансировка системы проявляется в повышенной политической активности с антиамериканской направленностью в странах Ближнего и Среднего Востока, в ряде стран Латинской Америки, а также в странах Восточной Европы (протесты общественности против размещения элементов американской ПРО в Чехии и Польше), на территории бывшего Советского Союза (протесты против учений НАТО

на Украине). К этому следует добавить активизацию внешнеполитической деятельности новых центров силы: Китая, России, Индии, Ирана, – ведущую к формированию многополярного мира, что в корне противоречит базовым ценностям американской внешней политики²¹.

В-четвертых, повышенная внешнеполитическая агрессивность США предопределена идейно-культурными особенностями формирования американской внешней политики, от которых власти никогда не откажутся, ибо они цементируют нацию и консолидируют американское общество на протяжении столетий. Власти США и рядовые американцы искренне убеждены в американской исключительности, в предназначении Америки служить примером для всех остальных стран, «помогать» им осваивать американские ценности в понимании «добра и зла». Американцы тем самым лишний раз убеждают самих себя и другие народы в превосходстве американского исторического опыта построения самого сильного и процветающего государства. В своей «мессианской» роли учителя всего человечества американские политики традиционно придерживались односторонних действий в рамках «свободы выбора» политических средств²². Эта идея в сочетании с комплексом «исторического предназначения» позволяет американским политикам формулировать свою миссию как необходимость «нести демократию» всему миру. Уверенность в американском превосходстве позволяет отбрасывать сомнения в расширительном толковании прав и глобальной ответственности США.

Глубоко укоренившаяся в сознании политической элиты США и рядовых американцев послевоенная идея «*Pax Americana*», то есть «американоцентризма», также является важной составной частью идеологии агрессивности внешнеполитического поведения США. Во всех официально опубликованных внешнеполитических документах США после «холодной войны» было четко обозначено, что сферой американских интересов является весь мир. Никакой другой стране, согласно американской трактовке «американоцентризма», «не разрешается» иметь военно-политические интересы в Западном полушарии, Северной Америке и даже на Ближнем и Среднем Востоке. Власти США готовы терпеть наличие у Китая и России собственных стратегических интересов в непосредственной близости от своих национальных границ, но любые попытки Москвы или Пекина усилить свое влияние в зонах исключительного интереса США воспринимаются в Вашингтоне как противоречащие интересам Америки.

Границы геополитических интересов США в мире, «пересечение» которых другими центрами силы считается недопустимым, охватывают следующие регионы: все Западное полушарие, как «внутренний дворик» США, как зону стратегической безопасности Америки, нефтеносные районы Ближнего и Среднего Востока, а также Каспий с выходом в газоносные районы Центральной Азии, как зону ее безопасности, и, наконец, Европу, которая «запирает» Россию с запада, далее – Японию и Южную Корею, которые «подпирают» Россию, Китай и Индию с востока. Европа, Япония и Южная Корея рассматриваются властями США как зоны стратегической ответственности Америки.

Наконец, стремление США к активной наступательной стратегии диктуется опасениями того, что у Америки в XXI в. есть серьезные конкуренты на заявку новых глобальных и региональных центров силы – это Китай и Россия, которые могут серьезно осложнить ей реализацию амбиций на мировое господство. Правда, по мнению большинства жителей западного мира, у России нет шансов стать мировым гегемоном²³.

Широко принятое мнение сводится к тому, что борьба за лидерство в ближайшие годы будет разворачиваться между США и Китаем. Таковы, в частности, результаты опроса, проведенного компанией «Гаррис Интерэксив» в Штатах, Великобритании, Франции, Испании, Германии и Италии. В этой гонке за роль нового гегемона мира даже Япония и Индия выглядят большими фаворитами, чем Россия. Впрочем, мировое экспертное сообщество уже не первое десятилетие предрекает «закат Европы», «крах либерально-демократической системы» и возникновение новой модели многополярного мироустройства, построенной на обломках мировой капиталистической системы.

Повышенная внешнеполитическая агрессивность США проявляется сегодня и в игнорировании общественного мнения других стран. Америка хочет сохранить позиции мирового лидера, хотя многие страны этого не хотят. При всем при этом, американские власти ничуть не смущает, что в мире нарастает сопротивление такому поведению, растет число стран, прямо называющих Америку «самой большой угрозой стабильности в мире».

Агрессивно-наступательное поведение США после «холодной войны» отчасти стимулировалось успехами американской внешней политики в борьбе с терроризмом. Можно даже сказать, что для администрации Буша в начале XXI в. «защита от угроз террористов» оказалась исторически более привлекательной формулой реализации своей экспансионистской политики, чем борьба

с СССР в период «холодной войны». Первой удачной для США попыткой борьбы с террористами оказалась военная кампания осенью 2001 г. с целью уничтожения режима талибов в Афганистане. Эта военная кампания против суверенного государства была положительно воспринята в американском обществе и не получила осуждения за рубежом. Быстрое поражение движения «Талибан» и разгром высшего командования террористической сети «Аль-Каида» представили мировой и американской общественности доказательство того, что война с террором реальна и США в ней могут одержать победу.

Однако впоследствии успехи в борьбе с терроризмом, в частности свержение в Афганистане режима талибов, которое рассматривалось как реальная стратегическая победа США с этим «злом», из-за непродуманных действий администрации Буша были низведены лишь до тактического успеха.

Американское руководство предпринимало усилия, чтобы борьба с терроризмом не носила опасную для интересов США антиисламскую окраску. Вашингтон хотел избежать растущего неприятия Америки в исламском мире. Исламские фундаменталисты использовали ошибки администрации Буша и распространяли по всему миру отвратительный «сатанинский» образ Америки. США пытались перевести борьбу Америки с рядом исламских государств в междоусобную борьбу между исламскими фундаменталистами и умеренными приверженцами ислама. Правда, успехи в этой области были минимальными. В странах Азии, Европы и Латинской Америки все чаще имело место дистанцирование от внешней политики США, за которую отвечал президент и Конгресс. Это, например, объективно работало на руку Китаю, который эксплуатировал усилившиеся националистические настроения народов Восточной и Юго-Восточной Азии для того, чтобы облегчить себе задачу по вытеснению США из этих регионов. Те же тенденции существенно ослабляли трансатлантическую составляющую в политике НАТО и Евросоюза, стремившихся выстроить более автономную от США политическую линию. Ошибки США стимулировали левых президентов Латинской Америки к укреплению отношений с Европой и Китаем, выстраивая в своем роде единый антиамериканский фронт. Появление антиамериканских настроений в Европе и Азии, ослабление трансатлантических и транстихоокеанских связей стали грозить ростом изоляции Америки в мире.

Сущность агрессивно-наступательной внешней политики США на современном этапе была сформулирована лидерами Америки

еще в начале XIX в. Эта политика всегда несла в себе большой потенциал агрессивности, что внешне оправдывалось необходимостью «защитить Америку» от любых внешних угроз. В действительности же, однако, за этим всегда скрывалось желание американских властей удерживать за страной лидирующие позиции в системе международных отношений, то есть оставаться самым сильным и самым влиятельным государством в системе международных отношений.

Сегодня американские власти убеждены в том, что у них нет лучшего выбора, чем ориентировать нацию на поддержание статуса единственной сверхдержавы в мире. Если бы США попытались самоизолироваться в системе международных отношений, то они поставили бы под угрозу свое собственное существование. Америка опасается глобального хаоса в форме многополярного мира, в котором «все воюют против всех» и который лишил бы ее статуса единственной глобальной сверхдержавы. Ведь новая реальность нашего времени состоит в том, что после «холодной войны» наступил период глобального политического пробуждения во всем мире, следствием чего стало осознание многими странами растущего политического и экономического неравенства государств в системе международных отношений. Положение гегемона в этой системе дает США возможность эффективно контролировать и нейтрализовать недовольство отдельных государств их зависимым положением в системе.

США одержали победу в «холодной войне» и не хотят ее упускать в ближайшем будущем. Чтобы оставаться самыми сильными и эффективно противостоять потенциальным и реальным конкурентам, США будут всячески демонизировать «невидимого» противника – международный терроризм, спекулировать на страхе многих стран перед этой угрозой, рассчитывая на их поддержку и приглашая к сотрудничеству.

США заинтересованы сохранить лидерство в мире еще и потому, что этот статус позволяет разделять страны на «своих и чужих», на тех, «кто с Америкой и тех – кто против нее».

Положение гегемона в системе международных отношений существенно расширяет для США границы дозволенного в политике. Такое государство никого не считает равным себе. У такого государства нет врагов, есть только «государства-бунтовщики», есть «террористы» и «государства-изгои». На правах единственной сверхдержавы государство-гегемон не ведет войны с другими государствами, оно только карает их за непослушание. Гегемон получает право карать вассальные государства, которые отказыва-

ются вести себя так, как это положено вассалам. При этом гегемон не вторгается на территорию других стран, он их «освобождает».

Вместе с тем нельзя не видеть, что доминирование одной сверхдержавы в мире само по себе ведет в тупик, ибо мобилизует силы, сопротивляющиеся этому. И это хорошо понимают в Вашингтоне. Поэтому власти США стремятся к формированию сообществ государств, объединенных взаимными интересами с тем, чтобы не допустить хаоса в системе международных отношений, но под своим контролем. По замыслам американской политической элиты, принятие другими государствами американского лидерства как должного является неременным условием развития системы по пути стабильности и безопасности, что, как представляется идеологам американской внешней политики, отвечает интересам всех ведущих «игроков» системы. Однако, по нашему мнению, деление мира по принципу «кто не с нами, тот против нас» чревато крупномасштабным мировым конфликтом, в котором пострадает все человечество и в котором не может быть победителей. Такой путь не имеет будущего, он бесперспективен и с точки зрения здравого смысла.

Какие методы и средства власти США используют в своей агрессивно-наступательной политике в начале XXI в., раскрывает следующий раздел монографии.

2. Силовые методы и средства реализации новых внешнеполитических задач

В обобщенном виде обновленные по сравнению с периодом «холодной войны» методы и средства борьбы США за сохранение и укрепление своих позиций в мире были сформулированы представителями американского истеблишмента в следующих основных документах. Во-первых, в Концепции «расширения демократии», главные положения которой были изложены в выступлении помощника президента США по вопросам национальной безопасности Энтони Лейка 21 сентября 1993 г. и содержали рекомендации по реализации новой стратегии США – от «сдерживания» периода «холодной войны» к «расширению» влияния Америки в новой, однополярной системе международных отношений. Во-вторых, в стратегии национальной безопасности США («Доктрина Буша»), изложенной президентом Бушем в Вашингтоне 20 сентября 2002 г., где упор был сделан на использовании превентивных

ударов по потенциальным противникам США в мире в качестве карательной меры. В-третьих, в концепции «гуманитарной интервенции», использованной властями США в 1996–1999 гг. против Югославии, когда иностранное силовое вмешательство осуществлялось под предлогом «защиты» прав человека. И наконец, в-четвертых, в стратегии «смены режимов», которую озвучила помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс в серии своих выступлений в начале 2002 г. Суть данной стратегии состояла в использовании мер давления, включая и силовые, на ту или иную страну в целях отстранения от власти неугодного США руководства под тем предлогом, что его политика представляет собой угрозу международной безопасности²⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что власти США в условиях отсутствия в мире другой сверхдержавы – Советского Союза сегодня позволяют себе открыто заявлять об использовании откровенно агрессивных, наступательных по своей природе средств и методов для реализации своих внешнеполитических целей. Это в первую очередь относится к методу «упреждающего или превентивного удара», хотя в период «холодной войны» и биполярного мира он рассматривался властями США как самое крайнее, последнее средство. В оправдание таких действий США приписывается одностороннее право наносить упреждающие удары в отношении любого суверенного государства в случае, если Вашингтон сочтет его потенциально опасным противником, угрожающим осуществлению планов Америки по формированию однополярного мира. В «Доктрине Буша» от 20 сентября 2002 г. прямо говорится: «Обеспечивая оборону США, американского народа и наших интересов... за рубежом посредством выявления и уничтожения угрозы еще до того, как она достигнет наших границ..., мы используем право на самозащиту, без колебаний будем действовать в одиночку и с упреждением..., мы не можем позволить нашим врагам нанести удар первыми»²⁵.

Основополагающие документы наступательной внешней политики США, перечисленные выше, недвусмысленно обосновывают применение Америкой силовых методов, подводя соответствующую случаю мотивацию.

Относительная легкость принятия решений о применении силы связана с тем, что власти США считают возможным не признавать позицию международных институтов, и в первую очередь ООН, которые имеют право голоса при определении тех или иных угроз международной стабильности и безопасности и голосуют против резолюции об использовании силы. Однако США

исходят из того, что их деятельность не только неэффективна в новой системе международных отношений (то есть мешает Америке использовать силу. – *М.К.*), но даже и контрпродуктивна. США предпочитают действовать в одностороннем порядке, оправдывая свои действия интересами всего международного сообщества. В «Доктрине Буша», например, сознательно не оговариваются условия, когда и при каких обстоятельствах власти США будут принимать решения о проведении упреждающих силовых акций. Не ясно также, что американская сторона считает для себя более предпочтительным – использование в своей силовой политике возможности существующих стратегических альянсов с НАТО, с Японией или с Южной Кореей или создание коалиций по принципу *ad hoc* для выполнения конкретных силовых миссий, как это имело место в ходе вооруженных акций США в первой и второй войне в Персидском заливе, в Югославии, Ираке и Афганистане.

Высокомерные заявления американских властей о праве на мировое господство и силовую внешнюю политику в обход ООН способны лишь оттолкнуть союзников от США, еще больше усилить противников Америки в мире, поднять «девятый вал» антиамериканизма.

Поэтому помимо силовых методов в активе американских властей есть и традиционные методы «реалистической стратегии активного сдерживания», которые были испробованы в период «холодной войны» и которые худо-бедно обеспечивали США влияние в мире.

Стратегия «активного сдерживания» в ее современном звучании подразумевает в первую очередь поддержание в высокой мобилизационной готовности всех видов вооруженных сил США, способных оперативно и решительно реагировать на любую внешнюю угрозу безопасности Америки вместе с союзниками или в одностороннем порядке, действовать на опережение, то есть планируя нанесение превентивных ударов.

Одной из важнейших составляющих политики «активного сдерживания» на современном этапе стало усовершенствование методов использования «ядерного шантажа и устрашения» противников США. 13 марта 2002 г. в США был опубликован доклад министерства обороны «Оценки состояния в ядерной области». Доклад предусматривал внесение важных корректив в стратегию ядерного устрашения США. Во-первых, стало известно, что американские власти пересмотрели такой принципиальный аспект политики ядерного устрашения, как вопрос о применении ядер-

ного оружия в мирное время. В годы «холодной войны» наличие ядерного потенциала являлось решающим средством предотвращения применения ядерного оружия противником из-за угрозы взаимного уничтожения. Такая стратегия называлась «ядерное оружие против ядерного оружия».

Однако после «холодной войны» и разрушения СССР власти США вознамерились превратить ядерное оружие в боевое оружие тактического и стратегического использования, заявив о готовности наносить ядерные удары первыми. Это значит, что ракетно-ядерное оружие превратилось из оборонного «щита», каким оно было в годы «холодной войны», в «карающий меч» в условиях однополярного мира.

Во-вторых, из доклада Пентагона следовало, что Вашингтон расширяет рамки применения ядерного оружия, нередко путая местами обычные виды вооружения и ядерные. В годы «холодной войны» использование ядерного оружия предполагалось лишь в ключевых для выживания государства случаях. Однако сегодня оно может быть применено самостоятельно или вместе с обычным оружием и становится, таким образом, обычным видом наступательного вооружения.

После прихода к власти Джорджа Буша доктрина «ядерного устрашения» претерпела дальнейшие изменения. В первую очередь они касаются развертывания новейших систем ПРО, одностороннего выхода США из Договора по ПРО, подписанного с СССР в 1972 г., перехода ядерной стратегии США от устрашения, нацеленного на возмездие и контрудар, к инициативному практическому применению этого вида оружия первыми. Все это, вместе взятое, свидетельствует о том, что Вашингтон не исключает реализацию метода «ядерного устрашения и сдерживания» в целях борьбы за свои геополитические интересы в мире, подчинения себе всех несогласных с американским диктатом государств.

В сентябре 2005 г. в США был опубликован новый документ «Доктрина объединенных ядерных операций», допускающий возможности нанесения превентивных ядерных ударов по «врагам Америки, располагающим ОМУ». В документе пересматривались причины, которые могли бы привести к использованию Америкой ядерного оружия. Так, в частности, среди сценариев, когда ядерный удар является обоснованным, называлось превентивное уничтожение объектов противника, на территории которых складировано ОМУ²⁶.

В 2006 г. в США вышла в свет книга профессора политологии Мэрилендского университета Джорджа Квестера «Первый ядер-

ный удар»²⁷. Автор подробно анализирует новые подходы правящих кругов США к реализации стратегических планов, связанных с необходимостью укрепления престижа американского лидерства в системе международных отношений, и возможности нарушения ради этих целей табу на применение ядерного оружия впервые после ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. Ядерное оружие, по мнению Квестера, превращается в решающий инструмент американской стратегии доминирования.

Одним из методов ядерного шантажа, к которому охотно прибегают США сегодня, является блефование угрозой его применения.

Разумеется, в обстановке неопределенности и хаоса в системе международных отношений Америка вынуждена соблюдать предельную осторожность и сдержанность, манипулируя угрозами ядерной атаки на суверенные государства. Во имя сохранения табу на распространение ядерного оружия в мире власти США не могут пойти на снятие ограничений по его применению первыми, так как последствия такого шага ударят в первую очередь по американским интересам.

В начале XXI в. американские военные и политики поменяли «образ врага». Сегодня это слаборазвитые в понимании Запада страны с антиамериканской направленностью своей внешней политики, но обладающие сильным военным потенциалом, способные подорвать доминирующие позиции Америки на региональном уровне. В США отдают себе отчет в том, что разрушить ядерные потенциалы таких стран без получения ответных ядерных ударов по своей территории не представляется возможным. После слома биполярного мира Америка оказалась в новой системе международных отношений, в которой столкнулась с гораздо большим числом угроз своим позициям в мире, чем это было в период «холодной войны». Поэтому Вашингтон и вынужден менять ядерную доктрину, приспособив ее к новым условиям.

В национальной военной стратегии США за 2004 г. отмечалось, что «ядерное оружие продолжает играть важную роль в политике сдерживания. Поэтому важно трансформировать существующие стратегические ядерные силы в новую триаду»²⁸. В американских лабораториях идет разработка новых видов ядерного оружия, подземные полигоны в штате Невада готовы к проведению новых испытаний, а ядерные боеголовки, как бы «сокращенные» в соответствии с Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов от 2002 г., лишь временно сняты с боевого дежурства.

Необходимо подчеркнуть, что США в обозримой перспективе не откажутся от политики «ядерного сдерживания» своих потенциальных соперников. Показательно, что в июле 2008 г. власти КНДР официально потребовали от Вашингтона проверить наличие ядерного оружия на американских военных базах в Южной Корее. Глава американской делегации на переговорах в Пекине по ядерной проблеме Корейского полуострова Кристофер Хилл отказался от таких проверок, тем самым дав понять, что американское ядерное оружие складировано, в том числе и на базах в Южной Корее²⁹.

В новой американской ядерной стратегии основные положения использования ядерного оружия сводятся к тому, что оно остается главным компонентом американской политики сдерживания. Руководство США допускает его использование в случае эскалации военного конфликта на региональном и глобальном уровнях.

Важным методом реализации американской наступательной стратегии для защиты своих доминирующих позиций в мире можно считать «Стратегию мультилатерализма» (или, как ее иногда называют, «либерального интернационализма»). Это относительно новый, но весьма эффективный метод упрочения глобальных позиций США, который позволяет Вашингтону укреплять связи со старыми союзниками и завоевывать новых, не вызывая подозрения у старых и новых соперников Америки. Американские военные и политики трактуют мультилатерализм как заинтересованность США «действовать вместе там, где можно, и в одиночку – там, где это нужно».

В то же время в США понимают, что сегодня в одиночку, без опоры на союзников и партнеров им трудно, например, помешать Ирану или КНДР завершить разработку ядерного оружия, найти способы урегулирования палестинского кризиса, сдержать быстрое военное и экономическое развитие Китая. Самостоятельно США не могут разрешить проблему достойного выхода из войны в Ираке или Афганистане, которую они сами и организовали³⁰.

Сегодня Соединенным Штатам, как, может быть, никогда в прошлом, нужны надежные партнеры. Европа – исторический союзник США, и потому единство Евросоюза и его расширение, в целом, отвечают долгосрочным американским интересам в мире. Япония призвана обеспечить для США новый баланс сил в восточноазиатском треугольнике, в который также входят США и Китай. Чтобы поддерживать дружеские отношения с этими странами, Америка должна вместе с ними решать как региональные,

так и глобальные проблемы, прийти к общему видению исторической эпохи.

Координация международных усилий могла бы выработать политику в области глобальной безопасности, но в настоящее время ни США, ни НАТО, ни ООН, ни международные альянсы не способны осуществить подобную координацию, принимая во внимание отсутствие заинтересованности в этом самой Америки. К тому же, ни одна из этих организаций не отражает фактического соотношения сил в современной системе международных отношений. Все попытки расширить состав СБ ООН заходят в тупик, с одной стороны, из-за сопротивления США, а с другой, из-за регионального соперничества. Америка, как единственная сверхдержава мира, должна быть более активной в разработке нового механизма консультаций между странами, которые способны внести существенный вклад в дело всеобщей безопасности. Однако и это не входит в круг первоочередных задач властей США при реализации ими наступательной стратегии.

Часть политического истеблишмента США, представленная преимущественно демократической партией, вынашивает идеи создания консультативного саммита по вопросам безопасности, представляющего все регионы и объединяющего все сильные в военном отношении государства³¹. Сформированный при нем постоянный секретариат позволил бы сделать работу саммита более эффективной. Помимо США в него могли бы войти Великобритания и Франция, как постоянные члены СБ ООН с правом вето, обладающие ядерным статусом и силами быстрого реагирования, предназначенными для действий в отдаленных районах, а также Германия с ее значительным экономическим и военным потенциалом, правда, не являющаяся членом Совета Безопасности. Кроме того, членом такого консультативного саммита могла бы стать и Россия, обладающая правом вето в СБ ООН и значительной военной мощью. В состав саммита могли бы войти пять азиатских держав: Китай с правом вето в СБ ООН, член ядерного клуба; Индия, население которой превышает 1 млрд. человек и которая обладает ядерным оружием; Пакистан, как крупное мусульманское государство, обладающее ядерным оружием; Индонезия, как страна с самым многочисленным мусульманским населением в мире; и Япония, как мировая экономическая держава и мировой кредитор. Два африканских государства, которые играют ведущую роль в миротворческих миссиях ООН, – Нигерия и Южно-Африканская Республика – также могли бы занять место в консультативном саммите. Наконец, два латиноамериканских

государства – Бразилия, как важнейший участник миротворческих миссий ООН в Латинской Америке, и Мексика, как главная сила в Центрально-Американском и Карибском районах, могли бы быть представлены в составе членов такой организации.

Очевидно, что проведение ежегодных саммитов по вопросам глобальной безопасности в рамках стратегии мультилатерализма с участием этих 14 государств, разумеется, не способно предотвратить все конфликты в разных районах мира. Да американские власти и не ставят перед собой такой задачи. Им в первую очередь важно вовлечь Китай и Индию в орбиту согласованных действий стран Запада, так как, обладая ядерным оружием, эти азиатские страны способны играть независимую от США роль в мировой политике на фоне растущего у них национализма, и Вашингтон хотел бы держать их «на коротком поводке».

Власти США заинтересованы стать неофициальным лидером «Клуба 14» и взять на себя руководящую роль в его работе. «Клуб 14» вполне мог бы заменить «Клуб восьми», который оказывается все менее приспособленным к решению многих социально-экономических проблем и проблем безопасности, а главное, не предоставляет Америке той лидирующей роли, на которую она претендует в более размытом и более аморфном по статусу его членов «Клубе 14». Правда, руководство «Клубом 14» потребует от США учитывать мнения других «игроков», с которыми Америка должна поделить бремя ответственности за поддержание мира и стабильности в системе международных отношений. Готовы ли американские власти к корректировке глобальной роли США в соответствии с новыми историческими реалиями, остается пока неясным.

Власти США хотели бы взять на вооружение метод мультилатерализма в расчете на то, что любое государство, стремящееся в своей политике безопасности к определенности, предсказуемости и стабильности в ходе реализации стратегических интересов, будет чувствовать себя более уверенно в составе международной коалиции стран, нежели бороться с угрозами безопасности в одиночку. Однако в действительности метод мультилатерализма, реализуемый например в форме создания международных коалиций (коалиция международных сил для борьбы с режимом Хусейна в Ираке, коалиция в ходе операции по свержению правительства Слободана Милошевича в Югославии, международная коалиция для устранения режима талибов в Афганистане) призван в завуалированном виде работать на укрепление доминирующих позиций США в системе международных отношений.